

А.Ю. Агафонов

Выдержки из статьи «Бессознательные обертоны сознания»

Прежде чем сформулировать основное «правило соответствия», которое может служить неким методологическим регулятивом в изучении феномена осознания, следует сначала ввести термины, которые, на мой взгляд, должны составлять понятийное ядро когнитивной теории сознания и показать, как эти термины соотносятся между собой.

К основным терминам предлагается относить: «осознание», «разум», «сознание», «память», «когнитивное бессознательное» и «механизмы сознания». В свою очередь, данные понятия можно дифференцировать на эмпирические и теоретические.

Эмпирические понятия имеют прямые ассоциации с эмпирическим опытом, т.е. эти понятия используются для обозначения наблюдаемых или самонаблюдаемых фактов психической жизни. Их отношение к фактам, к самой реальности собственно и делает эти понятия эмпирическими. Большинство понятий в психологии, которыми описывается психическая реальность, являются эмпирическими. К классу таких понятий традиционно причисляют: «ощущение», «восприятие», «Представление», «образ», «мышление» или «решение задач», «действие», «эмоции», «чувства», «телесное Я» и т.д. Любое понятие, которое соотносится с конкретным переживанием или фактом наблюдения, есть эмпирическое понятие. Мы объясняем в теории всегда то, что обозначается эмпирическим понятием, т.к., вновь отмечу, объясняются всегда факты, то есть то, что существует в реальности. (Реальность я трактую в классическом духе — как «то, что существует на самом деле», не вполне понимая принципы, так называемой, неклассической психологии. Хотя в настоящее время говорят уже о постнеклассической психологии. Не берусь представить, что будет дальше.)

«Осознание» является родовым эмпирическим понятием. Осознание представляет собой актуальное («здесь и сейчас») переживание непосредственной очевидности некоторого события, происходящего в текущий момент времени во внутренней или внешней жизни. Непосредственную данность носителю сознания его собственных осознаваемых переживаний можно рассматривать как аналог субъективной уверенности в факте восприятия, представления, мышления, эмоционального реагирования и т.п. Еще Р. Декарт называл осознанность самым достоверным фактом на свете. В свою очередь, В.М. Аллахвердов, понимая термин «сознание» и как теоретический конструкт, и как эмпирическое понятие, указывает: «Сознание как эмпирический термин отражает эмпирическое явление — явление осознанности, факт представленности человеку картины мира, ее не- * посредственной данности, самоочевидности» (Аллахвердов, 2009, С.18)¹.

В каждый момент времени человек, как правило, что-то осознает из воспринимаемой реальности или содержания своего ментального опыта. Вместе с тем, то, что осознается, так или иначе, может быть выражено в слове. (За исключением, конечно, того периода онтогенеза, когда индивидуум не владеет речью².) О происходящем в те моменты времени, когда осознание отсутствует, человек не способен что-либо сообщить, так как неосознаваемое не имеет непосредственного выражения, оно невыразимо в том смысле, в каком осознаваемый опыт допускает вербализацию³. В отличие от неосознаваемого опыта, допустим, фактов подпорогового восприятия, феноменология осознания доступна интроспективному анализу.

¹ Использование одного и того же термина в разных значениях в русле одного теоретического построения, думаю, осложняет понимание, порой создавая необходимость дополнительных пояснений, без которых можно было бы легко обойтись в случае применения однозначных обозначений.

² Данный взгляд на возможность вербализации осознаваемого опыта соответствует, в частности, позиции Э.А. Костандова (Кос тан- дов, 2004, С.11, 12).

³ Неосознаваемое имеет косвенные, а не прямые формы выражения, о чем, как известно, многократно писал З. Фрейд, анализируя, например, ошибочные действия.

Если у меня болит зуб, я, во-первых, знаю (понимаю) это непосредственно, не спрашивая никого, болит ли у меня зуб или нет, и, во-вторых, я могу сообщить о своем болевом ощущении⁴. Именно субъективная очевидность снабжает человека знанием о том, *что* он в данный момент испытывает, и о том, что испытывает *он*, а не кто-то за него. Осознание в этом смысле всегда эгоцентрично. (У. Джемсу приписывают фразу: «Проснувшись утром, я не бегу к зеркалу, чтобы узнать, я ли проснулся или кто-то за меня».) Невозможно испытать холод, чувство голода, инсайт или уныние «от третьего лица». Поэтому изучение феномена осознания тесно коррелирует с проблемой Я. «Я» присутствует в каждом осознанном переживании, во всяком случае, у психически здоровых людей. Благодаря способности осознавать, «Я» проявляется через имманентно заключенное в осознании авторство собственных ментальных и моторных действий. Таким образом, субъект благодаря чувству субъективной очевидности не может сомневаться в факте наличия в актуальный момент времени своих осознанных переживаний. Конечно, субъективная очевидность может обманывать, ведь она все-таки субъективная, но сам мир субъективных переживаний для носителя сознания отмечен достоверностью.

Осознание гетерогенно и сопровождает любые формы познавательной активности. Мы можем осознавать прикосновение предмета к рецепторному участку кожи, цвет листьев на деревьях, смысл происходящего в сновидении, решение мыслительной задачи или желание лечь поспать. В этом смысле это универсальный феномен, поскольку, имея модальную или иную специфику, осознание всегда сопровождается субъективной наличностью переживаний, их очевидной явленностью в данный момент времени. Несомненно и то, что человек по-разному осознает свои ментальные состояния или внешние воздействия. Например, различие в интенсивности двух акустических воздействий осознается иначе, чем волнение на первом свидании. Однако в теории общего порядка, или, как обычно говорят, в общепсихологической теории, не только допустимо, но и необходимо игнорировать эмпирическое многообразие осознаваемого опыта. Никакая теория не может охватить все индивидуальные случаи. В теории должна фиксироваться эмпирическая инварианта. В данном случае такой инвариантой является осознанность как таковая.

Осознание я понимаю не как процесс, а как эффект, как следствие деятельности когнитивного аппарата (такой аппарат условно будет именоваться «разумом»), в который включена функциональная структура сознания⁵. Процесс порождения осознанного переживания всегда экранирован от осознания, т.е. является неосознаваемым, хотя не будет ошибкой считать этот процесс сознательным. (Если, конечно, принимать предлагаемую терминологию.) Другими словами, к осознанию приводит неосознаваемый процесс сознания. Чтобы лучше прояснить различие, которое я делаю между сознанием и осознанием, позволю себе привести отрывок из своей более ранней работы: «В отличие от традиционной трактовки сознания как осознания, ... термином *«осознание»* обозначается исключительно конечный результат, интегральный психический продукт активности сознания, в частности, продукт познавательной деятельности. Иначе говоря, осознание не является синонимом сознания, а есть результат его работы. Общее, что объединяет разнообразные осознаваемые переживания, заключается в инвариантном процессе их порождения: любой осознаваемый эффект есть следствие неосознаваемой деятельности сознания. Сама эта деятельность осуществляется сознанием посредством функциональных механизмов» (Агафонов, 2007, С. 9)⁶. ...

Нетрудно заметить, что феномен осознания представляет собой не одну, а несколько проблем, хотя, очевидно, и связанных между собой. Интерес вызывает не только то, как мы осознаем, т.е. каким образом организованы процессы, предваряющие эффект осознания. Грандиозной по сложности проблемой является субъективность, присущая любому осознанному переживанию. Дж. Серль называет субъективность «ужасной» чертой для

⁴ О том, что я не осознаю, я, тем не менее, могу знать, знать, не осознавая этого.

⁵ Слова «когнитивный» и «психический» я употребляю как синонимы.

⁶ Вообще говоря, осознание — это эффект не только активности сознания, но всего психического аппарата. Другое дело, что у сознания есть свои особые механизмы и, соответственно, функции, благодаря которым достигается эффект осознанности.

научного объяснения (см. Юревич, 2006, С.8). По сути, об этом же печалится Н. Блок, который пишет: «Ни одно из имеющихся сегодня в наличии нейрофизиологических или компьютерных понятий не в состоянии объяснить, что же это такое — быть феноменально осознанным, т.е. испытывать боль или видеть красное... Это хорошо известная пропасть в объяснении» (Block, 1993). Откуда берется субъективная очевидность? Пока не видно даже путей, на которых можно было бы искать возможный ответ на этот вопрос.

Таким образом, говоря об осознании, я бы выделил три главных проблемы или, если пользоваться терминологией Д. Чалмерса, три «трудных задачи» психологии сознания:

1. Откуда берется чувство субъективной уверенности? (Почему осознанные переживания субъективно очевидны?)
2. Как порождаются осознаваемые переживания? (Каким образом мы осознаем?)
3. Какой когнитивный смысл имеет осознание? (Зачем нам осознавать?)

На мой взгляд, самая трудноразрешимая проблема связана с объяснением субъективной очевидности осознаваемых переживаний. Повторюсь: здесь пока не видно и проблесков плодотворной идеи.

Рассмотрим теперь те теоретические понятия или конструкты, которые, на мой взгляд, удобно использовать в логике объяснения феномена осознания. Прежде замечу, что *теоретические понятия* не имеют эмпирической референции. Эти понятия используют для обозначения не реальных, а абстрактных и потому не имеющих онтологической достоверности, объектов. (Например, «красота», «труд», «воля к победе», «гениальность», «добро» и т.д.) Существование сущностей, которые мы обозначаем теоретическими терминами, является допущением, и потому оно сомнительно с точки зрения верификации опытом⁷. Спрашивается: для чего в теоретических построениях необходимы подобные допущения?

Я полагаю, — и здесь мы подходим к сути основного правила соответствия, — что для объяснения эмпирического феномена нужно выйти за пределы эмпирического опыта. Дело не только в том, что причины того или иного факта в самом факте не содержатся. (Философ бы сказал: «Природа вещей не заключена в самих вещах».) В психологических теориях *факты психической жизни не могут объясняться другими фактами*, а только скрытыми, «внутренними» причинами, которые одинаково недоступны как для стороннего наблюдения, так и для осознания самим агентом психической жизни. Факты могут иллюстрировать объяснение, опровергать или подтверждать его, но не могут сами служить объяснением.

Понятием «*сознание*» я предлагаю обозначать мыслимую, т.е. гипотетическую систему механизмов, согласованная работа которых не осознается, но производит конечные психические продукты — осознаваемые переживания. *Понятие «сознание» является теоретическим понятием, и его использование оправдано в рамках объяснения феномена осознания.* Сознания как реального, эмпирического феномена не существует, если за феноменом самоочевидности закреплять термин «осознание». В этом смысле и ни в каком другом вопрос У. Джемса «Существует ли сознание?» поставлен правильно. (Если полагать термины условностью, то вместо «осознания» можно договориться использовать символ X, но тогда сознание обозначать иначе, например, Y или Z.)

Целью построения когнитивной теории сознания является объяснение феноменологии осознания. Ни в каком опыте человек не способен осознать то, *каким образом* он осознает, поскольку механизмы сознания не могут быть содержанием «непосредственного опыта». Поэтому апелляция к интроспективному опыту объяснению не помогает. Но именно описание работы этих гипотетических механизмов даст возможность понять природу осознания, т.е. объяснить, как человек осознает окружающую действительность и самого себя. «Путать теоретическое и эмпирическое описание методологически опасно, — подчеркивает В.М. Аллахвердов — Сущность явлений не наблюдаема и не выводима прямо из эмпирических данных. Сознание должно быть описано как теоретический конструкт» (Аллахвердов, 2009, С. 18). Психолингвист Д. Слобин идет дальше и предлагает формулировать этот принцип как некий общенаучный императив: «Перед любым ученым, изучающим человека и дерзающим

⁷ Поэтому подтверждением теоретической гипотезы, формулируемой в теоретических терминах, условно считается верификация частной эмпирической гипотезы.

выйти за рамки простого описания поведения, стоит проблема постулирования глубинных структур и процессов, которые могут объяснить несомненно существующие закономерности наблюдаемого поведения» (см. Слобин, Грин, 1976, С.11); Вместе с тем нужно заметить: «постулирование глубинных структур и процессов» не есть еще признание их онтологического статуса, т.к. ненаблюдаемые образования — это наши теоретические представления, а не факты.

Что же такое сознание? В каком тогда качестве существует сознание? Если функционирование сознания является неосознаваемой психической активностью, судить о которой возможно только анализируя эмпирические индикаторы (вербальные реакции, моторные реакции, продукты деятельности и психофизиологические реакции, когда последние рассматриваются в качестве маркеров психических изменений, предшествующих этим реакциям), если механизмы сознания не являются эмпирическими объектами и не составляют содержание субъективного опыта, то как существует сознание? Иначе говоря, существует ли в самой реальности, а не в теории, то, что не наблюдается и не осознается? Каков онтологический статус сознания? Этот вопрос, конечно, относится не только к сознательной деятельности, но и к любой психической активности. Чтобы прояснить суть этого непростого вопроса, приведу несколько примеров, а затем вновь вернусь к обсуждению вопроса об онтологии сознания. ...

Вернемся к сознанию. Я думаю, что *пока* «сознание» это только теоретическое понятие. Сознание существует *пока* только в теории сознания. На вопрос Джемса я бы также ответил «нет». Пока «нет»⁸. Мне с трудом верится, что проблема онтологии психического в ближайшее столетие может быть разрешена. Считается, что развитие технологий отчасти будет способствовать и росту фундаментального знания в психологии. Возможно, хотя не понимаю как. Так или иначе, в настоящее время здесь сложно надеяться на сколь-нибудь значительные прорывы. Но, чтобы не терять оптимизм, вспомним слова А. Эйнштейна, в которых выражена суть эволюции теоретических представлений в физике: «Для физика начала девятнадцатого столетия не существовало поля. Для него были реальными только субстанция и ее изменения. Он старался описать действие двух электрических зарядов только с помощью понятий, относящихся непосредственно к обоим зарядам. Сначала понятие поля было не более, как прием, облегчающий понимание явлений... Наш новый язык — это описание поля в пространстве между зарядами, а не самих зарядов; описание поля существенно для понимания действия зарядов. Признание новых понятий постепенно росло, пока субстанция не была оттеснена на задний план полем. Стало ясно, что в физике произошло нечто весьма важное. Была создана новая реальность... Постепенно и не без борьбы понятие поля завоевало прочное положение в физике и сохранилось в качестве одного из основных физических понятий. Для современного физика электромагнитное поле столь же реально, как и стул, на котором он сидит» (Эйнштейн, 2001, С.145-146).

Ничто не мешает верить, что и в теоретической психологии еще могут произойти революционные изменения. Допускаю, что психология может в будущем даже стать частью физической науки, которая расширит свои границы. Во всяком случае, когнитивная теория сознания может быть только естественнонаучной. Во-первых, феномен осознания — это природный феномен, т.к. мы не придумываем по собственной воле свою психическую организацию и принципы психического функционирования: это изобретение Природы. (Правда, все, что мы храним в памяти и то, что осознаем в актуальном времени, т.е. психическое содержание обусловлено культурными и социальными факторами, но само осознание — природное явление.) Во вторых, именно в естественнонаучной практике вводятся предположения о ненаблюдаемом для объяснения наблюдаемого.

Итак, устанавливая соответствия между ключевыми понятиями, следует особо акцентировать внимание на том, что сознание — это лишь часть бессознательной психики. Для обозначения функционального аппарата бессознательной психики, на мой взгляд, было бы уместно использовать термин «разум» (*mind*). В свою очередь, структура разума может

⁸ Вообще говоря, это ужасное признание. Если мы описываем в теории то, чего не существует, то тогда, что же мы описываем? Пожалуй, это главная загадка теоретической психологии.

быть описана через три относительно независимых блока:

1. *Память.*
2. *Когнитивное бессознательное.*
3. *Сознание.*

Поясню, на каких основаниях произведено настоящее членение. Все эти блоки представляют собой разные формы существования неосознанного.